

Передай привет небесам

Автор:

Екатерина Островская

Передай привет небесам

Екатерина Николаевна Островская

Женское лицо частного сыска. Детектив Вера Бережная #10Татьяна Устинова рекомендует

Не привыкай к хорошей жизни – она может рухнуть в один миг. У Алексея Метелина было все: любимая жена, спортивная слава, прибыльный бизнес, друзья... и коварный тайный враг. Кто-то застрелил его тестя, в убийстве обвинили Алексея, и он, несправедливо осужденный, провел в колонии двенадцать лет. Теперь у него нет ничего: ни жены, ни друзей, ни работы, ни денег. Но есть горячее желание найти и наказать того, кто его подставил, отобрал все. И только владелица розыскного агентства Вера Бережная способна разобраться в той темной и страшной истории и вернуть Метелину доброе имя...

Екатерина Островская

Передай привет небесам

Екатерине Островской в детективных романах удается одинаково живо и колоритно описывать и европейское Средиземноморье, и дождливый Питер, и узбекскую пустыню – а это признак большого мастерства писателя, не ограниченного условностями и опасением ошибиться. У Островской виртуозно получается придумывать невероятные, выдающиеся, фантастические истории, в которые точно можно поверить благодаря деталям, когда-то верно замеченным и мастерски вживленным в текст.

Но Екатерина Островская не просто выдумывает и записывает детективные истории. Она обладает редкой способностью создавать на страницах своих книг целые миры – завораживающие, таинственные, манящие, но будто бы чуточку ненастоящие. И эта невсамделишность идет произведениям только на пользу... А еще все книги Островской нравятся мне потому, что всю полноту власти над собственными выдуманными мирами Екатерина использует для восстановления справедливости наяву.

Из романа в роман Островская доходчивым и простым языком через захватывающее приключение доказывает нам, что порядочность, отвага, честность и любовь всегда победят ненависть, подлость, злобу и алчность. Но победа легкой не будет – за нее придется побороться! Героям Островской – самым обыкновенным, зачастую невзрачным, на первый взгляд ничем не примечательным людям – приходится сражаться за свою жизнь, преследовать опасного преступника, а потом героически, зачастую на краю гибели, давать последний бой в логове врага без видимых шансов на успех и... брать верх, одерживая полную победу. «И в этой пытке многократной рождается клинок булатный»: закаляется характер, простые люди становятся сильными, бесстрашными и по-настоящему мужественными героями.

Татьяна Устинова

Часть первая

Глава первая

Алексей открыл глаза, потому что сквозь сон почувствовал присутствие в комнате постороннего. Хотел вскочить сразу, но какая-то непонятная сила придавила его, не давая пошевелиться, сковала по рукам и ногам, сердце застучало быстрее, как поезд, набирающий ход, и от этой скорости перехватило дух и похолодело внутри. Теперь он знал точно, что кто-то, появившийся тихо и ниоткуда, стоит, таясь во мраке, невидимый на фоне черной стены... Он хотел

закричать от проснувшегося в нем страха, даже ужаса, не известного ему прежде, оставляющего только одно желание – звать на помощь. Но не было ни сил, ни смелости, ни воли: все осталось там – за пределами сознания, за гранью его понимания и представлений о сущем. Прежнее пространство исчезло, унеся все с ним связанное: и слова, потерявшие смысл, и значения, и мысли, кроме одной, затухающей в своей безнадежности, – про смерть... Но и это страшное осознание исхода билось все медленнее... Поезд начал останавливаться, возвращая привычные ощущения и осознание самого себя как предмета, застывшего между чужими и страшными мирами. Поезд останавливался, а с ним и сердце. Наконец оно совсем остановилось... И это тоже было страшно...

Тьма начинала редеть и стала превращаться в зернистый отпечаток с плохо проявленной черно-белой фотопленки... Мир начал светлеть, но лишь в одном месте – там, куда направил Алексей свой немигающий взгляд... Появилось пятно, которое разрасталось, превращаясь в силуэт, приближаясь медленно и неизбежно. Все вокруг стало проявляться... И теперь Алексей понял, кто к нему пришел.

– Как тебе, Леша? – спросил тесть с непривычной для него интонацией.

– Плохо, – само собой вылетело слово – единственное оставшееся в памяти.

Мертвый улыбнулся страшно и наклонился над лежащим живым. Или над притворяющимся живым? Жизнь осталась далеко – там, где не было тьмы и страха и куда возврата уже не будет...

– Помнишь? – спросил призрак тестя.

Алексей хотел кивнуть, но вдруг понял, что нельзя, потому что всякое согласие – это долгие годы печали... Но годы все вышли, впереди только вечность, и она, неизбежная, будет мрачной и страшной.

– Помнишь? – повторил тесть и еще раз улыбнулся, но теперь почти весело. – Ведь сегодня ровно двенадцать лет, как ты меня убил.

– А-а-а, – застонал Алексей и проснулся.

Он очнулся, но боялся открыть глаза, чтобы не оказаться там, откуда только что выпал. Не хотел смотреть, потому что действительность могла оказаться еще ужаснее. Он чувствовал под собой жесткую шконку, тяжелыми веками ощутил свет ночной лампы над дверью спального помещения барака... Чей-то тихий стон прозвучал совсем неподалеку, кто-то перевернулся с боку на бок... Пахло мужским потом и лизолом, словно кто-то лежащий совсем рядом на долгие годы пропитал им свои ноги, спасаясь от грибка. Все становилось привычным, обыденным и не таким страшным. Алексей попытался вспомнить, сколько дней осталось до окончания срока, но не смог. И это было удивительно, потому что каждое утро он знал, считал, надеялся... А сегодня не помнил, словно надежда пропала, вывалилась из дырявого кармана, как связка ключей, без которых не войти ни в одну знакомую дверь, не вернуться к прежней жизни, ожидающей его за стальными воротами колонии.

Снова застучало сердце. И опять пришел страх. Алексей понял, что проснулся не там – не в бараке, а совсем в другом времени, когда он, молодой, полный сил и любви, пробудился в камере следственного изолятора на рассвете того самого дня – перед вынесением приговора. Тогда он надеялся, но теперь знает точно, что оправдательного решения не будет и срок ему дадут не условный... Будет двенадцать лет строгача. Но если он в камере, значит, все повторится снова? Все вернулось на круги своя, на двенадцать лет назад – в такой же год Крысы. В год подлой и мерзкой крысы, которая бежит по колесу, накручивая день за днем двенадцать лет, а потом возвращая Леху в тот день, с которого все началось, отмеряя ему новый срок и новые испытания. Сегодня День сурка – 2 февраля. День рождения и смерти тестя. День, когда тесть, успевший уже хряпнуть вискарика, сказал ему:

– Лешик, кто-то со счетов фирмы деньги крысит. Не знаешь кто?

– Не знаю, – честно ответил тогда Алексей.

– Правда? – весело ухмыльнулся Виктор Петрович. – А сдается мне, что эта крыса – ты.

Это было за полчаса до его смерти.

И все повторяется заново.

Раздался звонок. Знакомый и нудный, как напоминание о ничтожности человеческого бытия. Сейчас в коридоре ночной дневальный истошно заорет: «Отряд, подъем!» – и все пойдет по привычному кругу. Шесть утра.

Он на зоне, и это уже легче.

Глава вторая

Алексей открыл глаза, сел в постели и осмотрел комнату. Квадрат четыре на четыре с выгоревшими обоями, старым сервантом и древним креслом с хлипкими деревянными подлокотниками, перемотанными синей изоляционной лентой. Письменный стол, пара стульев и пустота, не считая тахты, на которой он сейчас сидит, – на ней четыре года назад умерла мать, не дождавшись...

Будильник на столе продолжал надрываться. Алексей поднялся и отключил его. Два месяца он на свободе, время идет, но только для других, для Лешки Метелина оно топчется на месте. Он скреб щеки тупой одноразовой бритвой, понимая, что надо купить приличный станок и хорошие лезвия, но средств на такую роскошь не было. Деньги, полученные при освобождении – почти полмиллиона рублей, – разошлись быстро: на обустройство могилы матери, на памятник, на стол, накрытый для соседей, которых не знал, но заставил их праздновать свое освобождение. Соседи говорили хорошие слова о его маме. А одна старушка, разглядывая несчастного парня, вдруг заплакала, что взбесило его. А еще пришлось покупать одежду: джинсы, майки, рубашки и даже приличный костюм, потому что он тупо надеялся найти приличную работу. Спортивный костюм «Пума» и фирменные кроссовки – дорогие, но он привык когда-то к таким... А первые десять тысяч Алексей потратил еще в Вятке на проститутку, которую снял на вокзале. Она стонала и вскрикивала всю ночь, и царапала ему спину, отчаянно скрипели пружины старого дивана, а за стеной плакал от страха проснувшийся ребенок.

Утром он посмотрел на мальчика, которому было лет пять, и спросил девчонку:

– Во сколько же ты родила?

– В восемнадцать, – ответила та, – с первого раза залетела. Мать к тому времени уже в другой город уехала: у нее новый муж и своя жизнь. А я перебралась к бабушке. Потом она умерла, и мне квартира досталась...

Она рассказывала, готовя ему завтрак, улыбаясь чему-то при этом. Алексей старался смотреть в сторону, потому что чувствовал себя неловко: улыбка случайной знакомой была светлой и доброй. Она не назвала цену за свои услуги, но он дал десять тысяч. Девчонка пошла его провожать и даже взяла с собой сына: на грязной от растаявшего снега платформе они смотрелись как семья. Девчонка улыбалась, а мальчик бегал по декабрьским лужам, разгоняя голубиные стаи. Перед тем как сесть в вагон, Метелин подставил ей щеку для поцелуя.

– Ты очень добрый, – шепнула она, – я таких людей не встречала никогда.

Тут же сняла с себя и повесила на его шею темный крестик на тонкой серебряной цепочке.

– Прощай, Алексей – божий человек, – сказала она, улыбнулась радостно и смахнула слезу.

Но вся эта мелодрама осталась далеко, не оставив ничего в душе и на сердце. Сердце Лехи давно уже стало каменным, а душа сгорела, превратившись в покрытый копотью свечной огарок. Крестик Алексей снял с себя еще в поезде, бросил в боковой карман старой спортивной сумки.

Работу начал искать сразу по возвращении. Сначала съездил на кладбище и обо всем договорился, потом накрыл стол для соседей, еще пару дней мотался по магазинам. Получив паспорт, облачился в костюм и галстук, засунул ноги в приличные корочки и отправился в сторону светлой жизни. Но дорога туда была ему заказана. В хороших местах просили справку об отсутствии судимости, а в очень хороших не пускали на порог, как будто у него на лбу было написано «105 статья»[1 - 105 ст. УК РФ – убийство, умышленное причинение смерти другому человеку.].

Деньги кончились, работы не было, и вот уже две недели толкался Метелин возле гипермаркета, карауля пустые тележки, которые ленивые покупатели бросали на парковке. В каждой такой тележке в специальную прорезь была

вставлена монетка – пятерик или десяточка. Тележку можно было вернуть в отведенный для них ряд, а монетку достать. В первый день за двенадцать часов привалило немного – меньше четырехсот рублей. Зато он прихватил оброненный кем-то пакет с тремя яблоками, пачкой риса, упаковкой сосисок, банкой армянской аджики и коробочкой с тампаксами.

На второй день монеток было меньше, но Метелин подсуетился и подскочил к вышедшему из гипермаркета крупному мужику с нагруженной тележкой. Тот посмотрел на него и махнул рукой, показывая на припаркованный в пятидесяти шагах черный «Рендровер»:

– Помоги подкатить!

Уже подходя к своему внедорожнику, мужик спросил:

– Давно откинулся?

– Больше месяца как.

Мужик открыл багажник, Алексей загрузил туда покупки, а когда повернулся к хозяину машины, тот протянул ему тысячную:

– Держи косую.

На третий день он уже спешил к людям, чьи тележки были перегружены товаром. К старушкам, к молодым расфуфыренным фифам, к переполненным собственным достоинством барыгам, к мажорам на спортивных тачках... Кто-то давал деньги за помощь, кто-то – нет... Чаще всего говорили «спасибо», а могли и этого не сделать...

Метелин подошел к молодой паре. Беременная девушка и такой же молодой парень – неуклюжий, к тому же интеллигент в очках. Очкарик пытался толкать тележку, но колесики вывернулись и заблокировались. Интеллигент пыхтел, но сдвинуть тележку с места ему не удавалось. Алексей подскочил и спросил:

– Куда катить?

Ему указали на новенький белый паркетник.

И Метелин поспешил туда. Когда подошли к автомобилю, молодая женщина достала кошелек.

– Спасибо вам за помощь.

Она подняла глаза и обомлела:

– Алексей Николаевич?...

– Вы обознались, – ответил Метелин, глядя в сторону.

– Алексей Николаевич, вы меня не узнаете? Я – Лиля, ваша бывшая секретарша.

Молодая женщина смотрела на него с ужасом и сочувствием, губы ее дрожали, словно Лилия собиралась расплакаться.

– Вы обозна...

Метелин замолчал, потому что смысла продолжать не было.

– Как дела у тебя? – спросил он и поправился: – У вас?

– Все очень хорошо. Я теперь возглавляю секретариат заместителя директора юридического департамента. Фирма разрослась, у нас теперь холдинг, так что работы...

– Мне это неинтересно.

Он хотел убежать, исчезнуть, но молодая женщина схватила его за куртку.

– Пойдите!

Она раскрыла кошелек и стала выгребать из него бумажные деньги. Но их было мало.

– Артем, – обратилась она к мужу, – у тебя наличка есть?

– Не надо, – попытался остановить ее Алексей, – зачем? Не надо мне ваших подачек.

– Это не подачки, – замахала руками бывшая его секретарша, – это вам в долг. Когда сможете – вернете.

– У меня все на карточке, – произнес ее муж, глядя в сторону.

Лиля стала запихивать купюры в карман куртки бывшего босса.

– Алексей Николаевич, я так рада, что вы на свободе...

Голос ее сорвался. Она закрыла руками лицо и затряслась, сдерживая слезы. Очкарик открыл дверь машины и стал запихивать туда жену. На Метелина он смотрел с презрением и ненавистью.

Леша направился к гипермаркету, не оглядываясь. Узбеки в голубых комбинезонах смотрели на него почти так же, как муж бывшей секретарши. Он взял бутылку пива и выстоял очередь. Потом вернулся на парковку, отошел подальше от входа, присел на заледеневший до твердости бетона сугроб...

Он пригласил секретаршу на свою свадьбу. Лилия присутствовала на регистрации. Потом отправилась на квартиру к генеральному, чтобы помочь накрыть на стол, а затем подавать разные блюда. Виктор Петрович наотрез отказался от свадебного ужина в ресторане, сказав, что в кабаке не расслабишься, да и вообще самый лучший ресторан – это дома. Гостей пригласили немного: человек сорок. Только тесть не одобрил приглашение Лили.

– Зачем ты свою секретутку сюда притащил? – возмутился он. – Ты же знаешь, Лешик, что придут солидные люди, высокие чиновники, которым запахло светиться в кабаках.

Зато Лиля не знала о недовольстве генерального и сама светилась радостью, словно присутствовала не на свадьбе босса, а на своей собственной.

– Вы так смотрите с Александрой Викторовной! – восхищалась она. – Вы такая прекрасная пара! Вас вдвоем надо в кино снимать – Голливуд просто отдыхает!

Тогда Лиле было восемнадцать, она училась на первом курсе заочного юридического и была по уши влюблена в своего начальника, о чем знали все сотрудники процветающей фирмы. Теперь ей тридцать, и она ждет ребенка от невзрачного очкарика.

Бывший заместитель генерального директора сидел на ледяном сугробе и пил пиво. К нему подошли четверо узбеков и начали разглядывать.

Но пришли они явно не затем, чтобы наблюдать, как посторонний им человек, погруженный в свои печальные философские размышления, без всякого видимого удовольствия потягивает пиво.

– Слюшай, брат, – обратился к Метелину самый крепкий из них, – тут и ты понимаешь и наша территория тоже. Если ты денег у людей забираешь, то и нам давай тоже. Делись надо, а то нехорошо так.

– И ты мне скажи, родственник, – ответил Алексей, – почему во всем городе снега нет и мороза тоже, а у вас на территории целый сугроб образовался?

– Мы тут не убираем, – ответил другой узбек, – тут машина приезжает.

Метелин одним глотком выпил остатки пива, поставил бутылку на сугроб рядом с собой, достал из кармана купюры, которые ему сунула Лиля, и начал пересчитывать. Пересчитал два раза, и оба раза получилось три тысячи семьсот рублей.

Узбеки считали тоже. А самый крепкий даже руку протянул, не сомневаясь, что мужчина хочет поделиться с ними.

– Давай на всех ровно делить, – поторопил узбек, – так совсем честно будет.

Алексей положил ему в ладонь пустую бутылку и сказал:

– Отнеси в мусорку!

Крепкий узбек опешил и спросил зло:

– Ты зачем так, а? Ты же порядок знаес? Тут наш территория...

Метелин поднялся и пошел прочь с парковки. Все четверо шли за ним, очевидно, не собираясь нападать на виду у камер. Они бросились на него разом, как только Алексей зашел за бетонную коробку автобусной остановки. Он легко разметал их всех, ни разу не ударив. Просто уворачивался от их тычков, потом хватал и переворачивал. Узбеки вскочили и убежали, крутя головами, очевидно, проверяя, не гонится ли он за ними.

Подошла маршрутка. На табличке под стеклом конечной остановкой значилось Южное кладбище. Вообще маршрут был весьма примечательным: начинался он в поселке Металлострой, где располагалась исправительная колония № 5, проходил мимо завода, торгово-развлекательного комплекса с теплым названием «Лето», больницы и заканчивался там, куда люди по своей воле не очень-то спешили. Но Метелин ехал к матери.

Красивые и веселые машины обгоняли дребезжащий старый автобус, мелькали рекламные щиты, призывающие народ посещать «Макдоналдсы», фитнес-залы, премьеры американских фильмов про зомби и отдыхать исключительно на турецких пляжах.

Водитель слушал музыку, она звучала приглушенно и ненавязчиво, но одна песня, очевидно, проникла в шоферскую душу, и он повернул ручку громкости, оглушая немногих пассажиров.

...Только ждет меня мать в этом мире бездушном

Жизнь свою простоит у глухого окна.

А невеста моя в белом платье воздушном

Посреди дискотеки вальс танцует одна...

Метелин поднялся и подошел к кабине, постучал по стеклу, а когда водитель обернулся, сказал ему:

– Сверни гармошку!

Неподалеку от кладбищенских врат стояла церквушка. Алексей зашел внутрь и снял бейсболку. В церкви было пусто, перед иконами горели одинокие свечи, пахло ладаном и воском так сильно, что у Метелина начало першить в горле. Он купил две свечки и покрутил головой, раздумывая, куда их лучше поставить. Тут же к нему подошел немолодой седенький священник невысокого роста и тихо поинтересовался:

– Свечи за здоровье или за упокой?

– За упокой.

– Тогда к распятию, ставьте на канун. Это стол прямоугольный.

– Я молитв не знаю, – признался Алексей.

– Я дам вам текст, – сказал священник и спросил: – Свечи родителям?

Метелин кивнул и сказал:

– Николай и Ольга.

– А вас как зовут?

– Алексей.

– Алексей означает «защитник», – напомнил священнослужитель.

Метелин снова кивнул: это он знал.

Он стоял у иконы и тихо, почти про себя читал, запинаясь:

– Господи, Иисусе Христе, Боже наш! Ты – сирых хранитель, скорбящих прибежище и плачущих утешитель. Прибегаю к Тебе аз, сирый, стена и плача, и молюся Тебе: услыши моление мое и не отврати лица Твоего от воздыханий сердца моего и от слез очей моих. Молюся Тебе, милосердый Господи, утоли скорбь мою о разлучении с родившим и воспитавшим мя, родителями моими ...

Он запнулся и замолчал. Не завершив молитвы, неумело перекрестился тяжелой рукой и пошел к выходу. Остановился возле священника и отдал ему книжицу с текстом молитвы.

Старичок заглянул ему в глаза и спросил, склонившись к плечу Алексея:

– У вас тяжелая жизненная ситуация?

– Справлюсь, – ответил Метелин.

– Обратите душу свою к Богу и Он поможет, – посоветовал священник.

– Сам управлюсь.

Хотел уйти, но вспомнил.

– Что такое «Алексей – Божий человек»?

– Не что, а кто. Это величайший святой. Алексей был сыном богатых родителей, его отец был римским сенатором, если быть точным. В день свадьбы он ушел с брачного ложа и отправился в Сирию к святым местам. Роздал свое имущество нуждающимся и стал жить милостынею и подаянием, вознося молитвы, питаясь только хлебом и водой. Он бродил с нищими, молился о сирых, болящих и усопших. Родители его искали почти семнадцать лет и однажды, увидев на улице нищего, привели домой и накормили, так и не узнав, что это был их родной сын... Когда Алексей умер...

– Я понял, – остановил его Метелин, – спасибо вам.

Надел бейсболку и вышел из церкви.

Глава третья

Могила преобразилась. Теперь бугорок, заросший бурьяном, выровняли, сделали бетонные бордюры и чугунную оградку, поставили крест из серого гранита. Алексей положил букетик на мраморную крошку и посмотрел на фотографию матери в центре креста.

– Прости, – прошептал он.

Обернулся и увидел спешащую к могиле соседку. Очевидно, она окликнула его, но он не услышал. Теперь она замахала рукой. Подошла и попыталась отдышаться.

– Вот, пришла к Оленьке, – начала объяснять она, – я приходила прежде. Травку подстригала. Сорняки вытаскивала. Хотела цветы посадить. Но...

Она взглянула на букет и удивилась:

– А что же ты стебли не обломал? Тут ведь ухарей ой сколько! Ты уйдешь, они прихватят и продавать побегут.

Соседка посмотрела на могилку.

– Красиво ты сделал! – оценила она.

– Это не я...

– Ну-ну, а кто же платил? Ты! Значит, ты и сделал. И правильно: Оленька заслужила в такой красоте лежать. Бедная, бедная... Пятьдесят четыре всего было. Но вишь как – онкология она такая. Даже химия не помогла. Такие дела.

Алексей молчал. Разговорчивая тетка мешала ему.

– А папа твой где лежит?

– Не знаю. Он как только узнал, что я родился, выпросил отпуск на пять дней и поспешил к нам. Под Гератом вертолет сбили... Все, кто в нем был, сгорели вместе с машиной. Там же их и похоронили...

– Герат – это где?

– В Афганистане.

– О-о, – покачала головой соседка, – беда какая.

Какой-то шустрый мужичок ходил кругами рядом. Краем глаза Метелин наблюдал за ним, а тот постепенно сужал круг и, когда Алексей обернулся, тут же бросился к ним.

– Видите, какая работа! – закричал он и широко улыбнулся. – Здравствуйте для начала. Мы с ребятами очень старались. Отличные материалы, лучшие мастера, как говорится... Мы все другие заказы отложили... Со сметой только прогадали, дороже нам обошлось... Вот меня и прислали предупредить, что за вами должок.

Метелин шагнул к мужичку, взял его под руку и повел в сторону.

– Что я тебе должен?

– Так, это... Не мне, а мастерам: они старались, душу вложили...

– Повторяю вопрос. Лично тебе я должен?

– Так, меня ребята прислали, чтобы я заказчика нашел и договорился.

Алексей посмотрел по сторонам, а потом взял пройдоху за горло и приблизил к себе.

– Слушай сюда, сявка![2 - Сявка (уголовный жаргон) – мелкий жулик.] Вали отсюда, да побыстрее, а то огребешь по полной.

– Х-х-р-р-р-понял, – едва выдавил из себя мошенник.

Они выходили из ворот, когда рядом прокатил старенький «Шевроле-блейзер». Проехал, а потом остановился и сдал назад. Водительское стекло поползло вниз, и на Алексея посмотрел немолодой мужчина.

– Леша? – спросил тот. – Метелин, если не ошибаюсь?

Это был первый тренер Алексея, впрочем, единственный, им уважаемый: он сделал из него чемпиона страны.

– Ты на машине? – спросил Альберт Иванович.

– Своим ходом, – обрадовалась возникшей okazji соседка, – вот мы Лешенькину маму приходили проводить.

– Ну тогда садитесь ко мне, подброшу до дома.

Сначала ехали молча, словно разговаривать им было не о чем. Первым нарушил молчание тренер.

– Давно освободился?

– Два месяца почти.

– Чем занимаешься? Работа есть?

Метелин покачал головой.

Альберт Иванович долго молчал. Алексей подумал, что и здесь ничего не получится.

– Хорошо, – наконец произнес старый тренер, – поговорю по поводу работы. На ринг, разумеется, выходить не будешь: это ты и сам прекрасно понимаешь. Во-первых, возраст. Тебе же сорок почти...

– Тридцать семь, – поправил учителя Метелин.

– То же самое почти, но не это главное: вон люди и в сорок дерутся. Но ты столько времени потерял. Это же не восстанавливается. Потом скорость, реакция уже не та, что в двадцать пять. Опыт помогает, но у тебя его нет. Одного желания мало. Помощником тренера тоже не могу, потому что я сейчас и сам числюсь помощником... Мы же к бою с Оласьело готовимся. Слышал про такого?

– Конечно. Самый достойный из всех последних чемпионов мира.

– Согласен. Парень ни одного боя не проиграл и все заканчивал нокаутом...

– Так с ним должен был драться Джереми Майерс за титул.

– Слилс твой Майерс, – засмеялся Альберт Иванович, – совсем, что ли, не следишь?

– У меня телевизора нет, а на... простите, на зоне смотрел все поединки, которые у нас показывали.

– Ну вот, Майерс заявил, что заканчивает карьеру, у него со здоровьем проблемы. Сейчас практически любой пропущенный им в голову удар приведет к кровоизлиянию. Третьим номером в рейтинге стоял англичанин Филдинг, но он с Оласьело уже встречался и во втором раунде ушел в глубокий нокаут. В больнице месяц лежал, так что повторения не хочет... Ты Юру Шепелева знаешь?

– Не знаком лично, но слышал.

– Он шестым претендентом был. И вдруг все пятеро других отказались, и теперь он в очереди.

– Вы серьезно?

– Вполне. Он парень смелый.

– Он медленный. Удар хорошо держит, не пробитый еще, но это до поры до времени. Тем более что Шепелев прет как бык... Все, что в него летит, все долетает: защиты никакой...

– Согласен, но мы работаем над этим. Прогресс очевидный, а до боя осталось еще почти полгода.

Метелин молчал, пораженный.

– Согласен с тобой, – вернулся к разговору тренер, – на победу никто не рассчитывает. Но там призовой фонд десять миллионов, и это пока без стоимости рекламных контрактов, продажи эфирного времени и выручки от продажи билетов. Три четверти победителю, а четверть проигравшему. Понимаешь, какие деньги на кону?

– Вы – помощник, а у кого на подхвате?

– Гарри Хук. Старый американец: он даже меня на пять лет старше. От дел отошел, но наш промоутер позвал его в команду, и Гарри согласился. Мужик грамотный. Сам был профессионалом, и неплохим, только когда это было... С менеджером по поводу тебя он будет говорить, если я попрошу очень: у меня с Хуком хорошие отношения. Он боксер, я тоже. Мы ведь все как братья, сам знаешь.

Альберт Иванович замолчал, а потом спросил:

– Мама давно умерла?

– Четыре года назад, – ответила соседка, – мы с мужем и хоронили ее. И еще одна была из нашего дома. Ни родственников, ни...

Она покосилась на Метелина и замолчала.

– Помню я ее, – продолжил тренер, – лет двадцать назад или даже больше видел твою маму. Симпатичная очень была и выглядела молодо: даже не верилось, что у нее взрослый сын.

Глава четвертая

Они поднялись на площадку, Метелин подвел соседку к ее двери, и вдруг она принюхалась.

– Что-то папиросным дымом откуда-то несет. Не из твоей ли квартиры, часом?

Но Алексей учуял дым еще раньше. И понял, откуда он доносится.

Старушка открыла дверь и перешагнула через порог.

– Ты, Лешенька, проверь, откуда это? Да еще музыка какая-то... У нас ведь по всей лестнице приличные люди.

Она скрылась в своей квартире, и слышно было, как поворачивается ключ в замке, щелкает защелка и опускается дверная цепочка.

Метелин подошел к своей двери и прислушался, музыка звучала именно там. Он вставил ключ в замок, попытался повернуть, но замок не поддавался. Тогда он позвонил. Через несколько минут дверь распахнулась, и на пороге появился парень лет тридцати с голым торсом, украшенным татуировками. Парень был изрядно пьян и, увидев хозяина, полез обниматься.

– Осужденный Бугаенко, статья 162, часть вторая[3 - Ст. 162 УК РФ – разбой.], – радостно прокричал он, – здорово, Леший! Встречай корешей.

Метелин впихнул его в квартиру, прикрыл дверь и посмотрел на вскрытый замок.

– Зачем ломали?

– Новый поставишь, – тебе все равно его менять надо было. Не замок у тебя, а фуфляндия какая-то. Ты лучше посмотри, кого я привел!

Алексей обернулся и увидел стоящего на пороге еще одного знакомого по зоне – Курицына, отбывавшего срок за грабеж, плотного блондина, к которому навечно прикрепились погоняло – Сациви.

– Привет! А ты здесь каким боком? Тебе же вроде еще год чалиться?

– Все, отзвонился! – ответил за него Бугаенко, – ему барин[4 - Барин (уголовный жаргон) – начальник колонии, пользующийся уважением осужденных.] УДО выписал[5 - УДО – условно-досрочное освобождение.].

– В активисты[6 - Активист (уголовный жаргон) – осужденный, сотрудничающий с администрацией колонии.], что ли, записался?

– Ты че? – возмутился Бугаенко. – Он же у нас частник-надомник. Шахматы делал, нарды. Разве не знал? А тут для часовни зоновской крест охрененный вырезал. Вот батюшка и попросил за него. Это все остальные за двести тридцать рублей в день вкалывали минус двадцать пять процентов, а Сациви лопатой бабло греб. Мы-то с тобой голяком с кичи вышли, а он три ляма за четыре года поднял. Во как!

– Деньги – не самое главное в жизни, – произнес молчавший до этого Курицын. – Деньги низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар. Они поэтому лишили человеческий мир его собственной ценности.

– Во как загибает! – обрадовался Бугаенко. – Голова!

– Это не я, – признался Курицын, – это Карл Маркс.

Они прошли в комнату. Письменный стол был выдвинут на середину, и на нем стояли бутылки с коньяком, виски, вскрытые банки мясных и рыбных консервов. На стене висел жидкокристаллический телевизор.

– Это тебе презент от нас, – объяснил Бугаенко, – в знак уважения.

– Где вы ему ноги приделали? – поинтересовался Алексей. – Только не надо гнать, что купили: упаковки и документов я не вижу.

– Да это Бугай притаранил, – объяснил Сациви, – он у одной бабы кантовался...

– Заочница, – объяснил Бугаенко, – такие мне письма присылала душевные и фотки. Я их над толчком повесил, чтобы и другим мужикам не обидно было. А в жизни она еще круче оказалась: у нее и тут, и тут, и губы такие, что сразу... Ты-то на воле уже нашел себе?

– Ищу.

– Нашел! – обрадовался Бугай. – По глазам вижу, что нашел! Так приглашай ее в гости. Пусть подружку прихватит. Кстати, у меня цацки-мацки имеются: колечки, сережки, бранзулетки всякие, брюлики-хренулики – готов скинуть незадорого. Звони Марусе своей, а мы сейчас музон наладим...

Он схватил пульт от телевизора и начал переключать каналы. Наконец на экране появились девушки в нескромных бикини, которые, извиваясь в танце, радостно пели:

– Апельсины и бананы, кокосовый рай...

– Мы вообще-то здесь по делу, – напомнил Курицын.

– Да, – подтвердил Бугай, отрывая взгляд от женских прелестей, – дело у нас на миллион. Даже на два.

– Мужики, я не при делах сейчас, – покачал головой Метелин.

– Ты послушай, Леший! – настаивал Бугаенко. – Там все чисто будет. Все проработано уже. Есть один барыга – у него миллионов зеленых до хрена и больше. И есть место, где он без охраны бывает... Ну, если только водила при нем – что вряд ли. Мы туда подгребем как-нибудь и побазарим с ним без наезда особого.

– А я-то вам зачем?

– Ты очень нужен, – начал объяснять Сациви. – Если водилу вырубить с одного удара... Но это мы сами как-нибудь. А вот с тем барыгой побазарить ты сможешь,

и он в отказку не пойдет, потому что...

– Пока рано ему знать, – остановил его приятель, – потом, когда... короче, Леший, нас трое уже, но ты нужен. Наводка у нас точная. Один кореш работает в его фирме водителем. Барыгу-то он не возил, но в дружбанах у него водила генерального – того самого, – и шоферюга по пьяному делу все ему выкладывает. Барыга этот построил дом загородный на берегу озера в лесу. Там вообще поблизости никого. Кричи не кричи – один хрен: тайга – закон, медведь хозяин... Понял?

– Я же сказал, что не при делах.

– Ты подумай: нас четверо. Мы с него два ляма бакинских возьмем. А для барыги – это ничто. Ему два миллиона гринов – это как высморкаться. А нам на каждого по пятьсот тысяч зеленых. Плохо, что ли?

Метелин покачал головой.

– Ладно, Сациви, – вздохнул Бугай, – рановато мы пришли, Леший еще не вдохнул сладкого воздуха воли. Пусть надышится и поймет, что в такой конуре жить нельзя, надо девочку свою одевать, обувать, на море ее возить на шикарной тачке, в кабаках угощать, а не бомж-пакеты, кипятком разбавленные, предлагать...

Он поднялся и, не глядя на хозяина квартиры, сказал:

– Леший, мы без обид. Ты – человек уважаемый. Мы всей зоной на тебя ставили. Ты – наш чемпион непобедимый. Дай бог тебе удачи по жизни. Но подумай лучше, как дальше срок, отмеренный Богом, тянуть. Как лох последний или как чел почетный?

Сациви поднялся и тоже вздохнул. Не сказав ни слова, направился к выходу. Оба задержались в коридоре, и Бугаенко обернулся.

– Слышь, Леший. Мы тебе финский замок притащили, хотели сами наладить, но ты вдруг приперся. Он на столе в кухне лежит. Тогда ты сам уж. Хороший замок, хотя на фига он тебе: дверь такая, что дунь – и развалится. Железная дверь

нужна.

– Спасибо, мужики, – ответил Алексей.

– Мы не прощаемся, – напомнил Бугаенко, – а ежели что, Сациви на обоях под столом свой телефон записал: нужда припрет – звякни нам.

Дверь за приятелями закрылась. Алексей поднялся, вышел на кухню, осмотрел замок. Потом взял мусорное ведро, вернулся в комнату, вывалил в ведро банку с окурками, потом отправил туда же вскрытые консервы. Неоткрытую банку красной икры положил в карман.

С мусорным ведром вышел на площадку, остановился у квартиры соседей, позвонил.

Дверь открыла соседка.

– У тебя гости? – шепотом спросила она.

– Нет. Это грузчики телевизор привезли, который я заказывал. Ключи сам им дал для доставки. Они ушли уже.

Он достал из кармана банку икры.

– Вот, возьмите, Тамара Георгиевна, вы столько для мамы сделали.

Соседка хотела отказаться, но приняла подарок.

– Ой, спасибо, а то мы с мужем и забыли, что это такое. А теперь на 23 февраля будет что на стол поставить. Я уж, так и быть, старику своему бутылочку куплю. Да и ты приходи.

– Обязательно, – пообещал Метелин, – бутылку не покупайте. Я ему сегодня же коньяк занесу. Еще и виски есть, но та бутылка открытая.

Он хотел уйти, но соседка ухватила его за локоть.

– Лешенька, ты только не отказывайся сразу. Дело в том, что у меня есть племянница. Скромная девушка, очень несовременная... Она одинокая. Давай я тебя с ней познакомлю?

– Да зачем я ей нищий, да еще и с таким прошлым?

– А мы ей не скажем, что ты в тюрьме сидел. Ты – добрый, это видно сразу. А потом еще ты – симпатичный, высокий, сильный, не то что нынешние дрыщи...

– Я подумаю, – пообещал Алексей и пошел выносить мусор.

Когда вернулся на площадку, услышал, как звонит его мобильный: успел схватить телефон и ответить.

– Это Альберт Иванович, – услышал Метелин голос своего тренера, – короче, поговорил я с Гарри, а он – с главным менеджером. Берем тебя.

– Хорошо.

– погоди радоваться. Может, тебя и не устроит наше предложение. Они берут тебя уборщиком. Ну ты понял, в зале убирать, мыть в раздевалке, в душевых, в туалете. У нас тут тетка одна старается, но ей годков уже под пятьдесят... Не справляется.

– Да я готов работать.

– А чего оплатой не интересуешься? В общем, тридцать тысяч рублей в месяц. Выходной только воскресенье. Ну зато будет служебное питание: столовая на базе очень приличная – жратвы предостаточно. Так что и на тебя останется. Завтра сможешь?

– С утра подъеду. Скажите куда.

Глава пятая

Команда, готовившая Юрия Шепелева к главному поединку его жизни, располагалась на спортивной базе под Павловском. База была создана еще в советские времена, но содержалась в хорошем состоянии. Несколько деревянных коттеджей и здание, где размещались просторный спортивный зал с двумя рингами, небольшой тренажерный зал, раздевалка, душевая и большая баня, при которой был и бассейн десять на десять. И все это надо было убирать Метелину. Когда он вошел в зал, то задохнулся от родного воздуха и забытого уже счастья знакомого бытия: запахи мужского пота, кожи, конского волоса, перемешиваясь, создавали неповторимый аромат, которым он наслаждался с тех пор, как пришел в секцию бокса. Пришел тогда к Альберту Ивановичу Гусеву, ставшему для него непререкаемым авторитетом на долгие годы.

Альберт Иванович встретил его и сейчас. Взял под локоть и предупредил:

– Сейчас представлю тебя главному менеджеру. Но ты особо не распространяйся, что боксер: вдруг он подумает, что ты засланный казачок, хочешь узнать наши методики тренировок и на что мы делаем акценты. Понял?

Главный менеджер сидел в своем кабинете и даже не повернул головы, когда вошли помощник тренера и уборщик.

– Вот, Даниил Матвеич, – произнес Гусев, – привел вам парня, о котором говорил.

Только после этого менеджер бросил взгляд на вошедших. Судя по всему, внешний вид Алексея произвел на него впечатление.

– Спортсмен? – спросил он.

– Ну так, качаюсь иногда, – уклончиво ответил Метелин.

– Боксом занимался?

– Бокс люблю, – ушел от прямого ответа Алексей.

– А чего к нам пришел? Тебя с такой фигурой в любой фитнес-центр приняли бы. А там ведь девочки молоденькие... то да се.

Метелин пожал плечами.

– Ладно, принимай дела, – кивнул менеджер. – Только смотри, чтобы все здесь блестело, как у кота яйца. Иначе...

– Он будет стараться, – пообещал Гусев.

Чуть позже подошла уборщица Жанна, которая, оглядев сменщика, усмехнулась. Повела показывать ему свое хозяйство, по дороге крыла эту работу последними словами.

– Я и сама собиралась уходить. Во-первых, на такую площадь нужны два человека как минимум. Во-вторых, того, кто чистоту наводит, никто за человека не считает. Матерятся при женщине... Потом из душа в раздевалку туда-сюда голыми ходят, ничем не прикрываясь... Даже этот старый негр... А мне каково – я ведь живой человек!..

– Какой у них тут распорядок дня? – поинтересовался Алексей.

– В семь встают, до восьми бегают по парку. Потом у них завтрак. В десять приходят сюда... В полдень все прутся в душ и уходят. В час обед. Потом отдыхают, а я тут как проклятая вкалываю. В четыре дня снова приходят и начинают по мешкам молотить, по рингам своим прыгать. В шесть снова в душ. Потом ужин. Потом кто-то возвращается сюда, кто-то нет. В девять вечера бегают опять, а я тут снова все подтираю... Но теперь ты будешь. И охота тебе с утра до вечера за ними дерьмо убирать?.. Я уже надорвалась на этой долбаной работе!

Но везде было чисто. Метелин принял хозяйство: швабры, щетки, веники, совки, моющие средства и ветошь. Халат не подошел ему по размеру, и Жанна забрала его с собой вместе с двумя флаконами моющего геля «Мистер Мускул».

Ровно в десять утра началась тренировка. Алексей сидел в углу и наблюдал. На него пару раз бросил взгляд мистер Хук, потом он поинтересовался у Гусева, кто это, вероятно, потому что незнакомый ему парень в дорогих кроссовках и в майке «Пума» на уборщика не походил вовсе. Перед обедом Альберт Иванович подошел к своему бывшему ученику и сказал, что начальство недовольно его формой одежды.

– Халат на меня не налез, – объяснил Метелин.

– Да бог с ним, с халатом. Просто ты в «Пуме», а у нашей команды контракт с «Макрон». На эти спонсорские деньги мы как раз эту базу арендуем.

– Но я ведь не член команды, я – обслуга.

– И тем не менее. Поменяй майку и кроссовки... Ладно, я тебе выделю обувь спортивную, майку и курточку – если вдруг в пробежках с нами есть желание участвовать.

– Очень хочу.

Тренер хотел уйти, но остановился.

– Как тебе тренировки?

– Все знакомо, все ваше, кроме работы на ринге. И потом, не обижайтесь только, но Оласьело вырубил Шепелева в первом раунде левым боковым. Он начнет с левосторонней стойки. Потом поменяет на правостороннюю: он же хитрец. А Юра ваш не успеет перестроиться. Скорее всего, будет два джеба в голову, а потом хук левой с подскоком. У Шепелева висок открыт, а нырков в его арсенале я не заметил... как пер вперед, так и продолжает переть...

– Это все? – обиделся тренер.

– Нет. Еще много замечаний. Но главный вопрос: где второй спарринг-партнер?

– У него сотрясение. Гарри советует Шепелеву работать каждый раз в полную силу, чтобы знать, на сколько раундов у парня хватит дышалки.

– Сотрясение – это надолго...

– Мы ищем высокого и похожего по манере на Оласьело... Говорят, есть на Кубе такой, но его промоутер пока не соглашается. Судя по всему, ему Дон Кинг запретил.

– А он-то здесь при чем?

– Как при чем? У него все права на Оласьело.

Метелин сидел, пораженный, и молчал.

– Вот такие дела! – рассмеялся Альберт Иванович.

– Что же вы мне про призовой фонд говорили – десять миллионов? Гонорар Мейвезера[7 - Флойд Мейвезер – американский боксер, неоднократный чемпион мира среди профессионалов.] только за один постановочный бой против Макгрегора составил четыреста миллионов. Но он – средневес, а тут поединок за четыре пояса у супертяжей. Дон Кинг своего Оласьело на этот бой менее чем за пятьсот миллионов баксов не выставит, даже против Юры – безнадёги нашего.

– Естественно, – согласился Гусев, – и одна четверть от этой суммы – наша в любом случае, но Шепелева мы подготовим так, чтобы не позорно было.

– И еще, – сказал Метелин, – врача не наблюдаю.

– Врач есть. И очень даже хороший. Девушке тридцать лет, но выглядит, я тебе скажу, как кинозвезда. На ней Юрка завис. Но не в этом дело: у нее папа – отличный спортивный доктор, сам боксер бывший. Бокс любит по страшной силе и ее на это дело подсадил. Зовут нашу врачиху Вика. Сегодня она к обеду подъедет... Давай поднимай задницу, пойдем пообедаем вместе. Ты не переживай: и врач есть, и диетолог тоже, а для меня важно, что и массажисты классные – за полчаса мне молодость возвращают.

В помещении столовой играла музыка. Звучала старая песня Высоцкого, знакомая всем боксерам...

...Удар, удар, еще удар,

Еще удар, и вот

Борис Буткеев, Краснодар,

Проводит апперкот.

Вот он зажал меня в углу,

Вот я едва ушел...

Вновь апперкот: я на полу,

И мне нехорошо...

И думал Буткеев, мне ребра круша,

Что жить хорошо и жизнь хороша...

Альберт Иванович повел бывшего ученика в угол, где стоял столик, накрытый на двоих.

– Жанну так же кормили? – поинтересовался Метелин.

– Кого, – не понял Гусев, – уборщицу бывшую? Ты что, смеешься? Просто я попросил, и нам накрыли. И потом, к тебе уже приглядываются: до кого-то уже дошло, как ты на спарринг смотришь. Головой нырки изображаешь, то одно у тебя плечо вперед идет, то другое, как будто ты весь там, на ринге. Да и ладно: все равно они там скоро все узнают. Просто зайдут в интернет и проверят по фамилии. У тебя же на профессиональном ринге пять боев, кажется?

– Шесть, – уточнил Алексей, – три победы и три поражения.

– Я видел каждое твое поражение. Два ты выиграл по очкам чисто, но победы отдали другим. А в третьем – вообще непонятно. Как тебя мог этот мексиканец измолотить? Да еще...

– У меня была травма руки, а менеджер приказал выходить. Потому что он бабки теряет. Но я одной рукой все равно два раза Родригеса на настил уложил. Удивляюсь, что он поднимался.

– У тебя ведь менеджером был скотина Ветлицкий?

Алексей кивнул.

– Редкая сволочь, – продолжил Гусев, – таких ребят загубил! Ведь любительский и профессиональный бокс – две большие разницы. Разные методики подготовки... Ну ты же понимаешь: тебя вообще из огня да в полымя бросили. Каждый месяц у тебя был бой, а так нельзя.

– Ветлицкий за хорошие деньги и свою маму бы на ринг выставил, – пошутил Метелин.

– Вот потому-то плохо кончил, – согласился Альберт Иванович, – до сих пор неизвестно, кто его застрелил и за что.

Подошла официантка с подносом и поставила перед ними овощные салаты и тарелки с борщом.

– И ты после поражения решил уйти? – продолжил тренер.

– Мама настояла.

– Жаль, – вздохнул тренер, – у меня всего двое таких было, как ты. То есть всего двое: ты и Сережка Ерохин[8 - Екатерина Островская «Полоса черная, полоса белая»]. И ведь одна судьба у вас. Он перед финалом универсиады в душевой сломал кисть, но все равно вышел на ринг. И тоже бой вел, но победу отдали американцу. Помнишь его?

– С трудом. Он только КМС[9 - КМС – кандидат в мастера спорта.] стал, а я уже уходил от вас.

– Сережка в полицию ушел. А сейчас в одном хорошем банке безопасностью руководит. Банк этот теперь наш генеральный спонсор: мы обязаны на всей форме носить логотип банка. Зато деньги неплохие за это.

Ели не спеша, потом официантка забрала пустые тарелки, поставила вторые блюда и кувшин с соком.

– Жаль, что ты ушел, – вздохнул Гусев, – а вообще... прости, конечно, но бокс пригодился там, где ты был?

– Еще как! Начальник колонии сам большой поклонник, оборудовал залы: и тренировочный, и для выступлений. Всех осужденных боксеров к себе забирал. Их там было немало.

– То есть тебе удавалось и тренироваться, и на ринг выходить?

– Тренировки каждый день по восемь часов. А каждую субботу – бой!

– Прости! Но я не понял, – удивился Альберт Иванович, – ты говоришь, каждую субботу? Это же невозможно.

– Тем не менее. За двенадцать лет почти пятьсот пятьдесят боев провел. Точного числа не помню даже.

Тренер откинулся на спинку стула и смотрел на своего бывшего ученика пристально, не веря в то, что услышал.

– Соперники слабые были?

– Я бы не сказал. Бериева помните?

– Конечно. Когда-то был одним из наших лучших тяжеловесов.

– У меня только с ним около сорока боев.

– Сколько выиграл у него?

– Все. Я там вообще ни разу не проиграл. Все брал нокаутом. Только у Бериева выигрывал по очкам, и то лишь в самом начале своего срока. Бериев и в самом деле был очень хорош. Он еще и вес набрал – под сто десять весил, а ростом чуть выше меня. А еще в моем весе были Гуськов, Кардиналов, Широян...

– Да я помню эти фамилии. Неужели всех хороших боксеров пересажали?

– Сажали не боксеров, а преступников, – напомнил Метелин.

– Сколько раундов длился каждый бой?

– По шесть. А когда финал абсолютного первенства зоны, то двенадцать. Но двенадцать я не бился ни разу.

Альберт Иванович нагнулся над столом и шепнул:

– Хочешь на ринг вернуться?

Метелин кивнул.

– Это несложно, – тем же шепотом продолжил Альберт Иванович. – Лицензия профессионального боксера стоит десять тысяч рублей. Документы, заявление и чек об оплате в Москву можно курьерской почтой отправить. Пара недель, и можешь договариваться... Что я говорю... Я сам договорюсь о поединках. Ты готов будешь?

Алексей кивнул.

– Перед каждым боем нужна будет медицинская справка. Наша врач сделает... вот, кстати, и она...

Метелин обернулся и увидел пересекающую зал стройную девушку с распущенными по плечам светлыми волосами.

– Хороша! – подтвердил за его спиной голос тренера. – Между прочим, сама боксом занималась, а по виду настоящая художественная гимнастка.

Алексей продолжил обед, а Альберт Иванович разглядывал его.

– Леша, я посмотрю, как ты работаешь. Если и в самом деле у тебя так неплохо... И если кубинец откажется, нам второй сильный спарринг-партнер кровь из носу как нужен. Может, поставят тебя... Ты как на это смотришь?

– Всегда готов! – ответил Метелин.

Глава шестая

Документы для получения лицензии профессионального боксера отправили через день. На качество уборки зала и помещений никто не жаловался. Не возмущались даже, когда Алексей подходил к рингу и смотрел за тренировкой. А по вечерам, когда зал пустел, он надевал перчатки и подходил к мешкам. Так прошел один вечер, другой. На третий, когда Метелин запер двери, зашел к Альберту Ивановичу, чтобы отдать ключ, тот спросил:

– Сколько времени на дорогу сюда тратишь?

– Час с небольшим.

– Туда и обратно. Всего три получается? На маршрутке? И так каждый день? Своей машины у тебя нет?

Вопросов было много, и каждый раз Алексей кивал молча.

– Ладно, – согласился старый тренер. – Оставайся на базе. Мой номер рассчитан на двоих. Кровать одна, как видишь, но места вон сколько. Сейчас распоряджусь, чтобы вторую притащили.

– Не спешите, сегодня я домой смотаюсь. Соберу вещи и переберусь.

Он собрался выходить, уже взялся за ручку двери, как тренер вспомнил:

– Вика тобой интересовалась – врачиха наша. Она сегодня подходила ко мне и спросила твою фамилию. Я назвал: а чего скрывать?

Он подходил к подъезду своего дома, поднялся на крыльцо, как вдруг к нему из темноты выскочили два приятеля.

– Здорово, Леший. Ты вообще где обитаешь? – спросил Бугаенко.

– В лесу, – ответил Метелин, – где же еще?

– Просто мы тебя уже третий день здесь пасем, – объяснил Сациви.

Они ждали, когда он откроет дверь, но Алексей не спешил.

– Так вопрос один обтереть надо, – напомнил Бугай.

– Мужики, я еще в тот раз сказал, что не при делах. Какие вопросы ко мне?

– Давай потолкуем все же, а то ты сразу в отмазку пошел.

– Я хочу отдохнуть, – произнес Алексей, – и потом, не хочу сейчас против закона идти.

– Законы в основе своей сформированы на беспринципности и безнравственности, что отражает сущность государственности, символизируя возглас дьявола.

Бугаенко посмотрел на своего друга с удивлением.

– Карл Маркс?

Курицын кивнул.

– Ты что, все его книги прочитал?

– Не, только одну всего. Я, когда в следственном изоляторе парился, попросил книжечку какую-нибудь потолще, чтобы не скучно было. Вот мне и принесли «Капитал» Маркса. За восемь месяцев как-то так само запомнилось...

– Ладно, – согласился Метелин, – за углом пивнушка. Пока по кружечке примем, вы мне все расскажете.

В зале висели полосы табачного дыма, но посетителей было немного. Взяли по кружке чешского, сели за пустой столик, сделали по глотку.

– Ну и? – спросил Метелин.

Приятель переглянулись, и Бугаенко произнес:

– Мы все про того же фраера толкуем. Бабла он поимел немало. Сейчас строит дом за городом...

– Я это уже слышал от вас, – напомнил Алексей.

– Не перебивай. – Стройка полным ходом. Там уже забор стоит трехметровый и сигнализация по всему периметру... Но это не важно. К лету он закончит. Он вообще женат, но собирается разводиться: его баба сидит плотно на коксе, из клиник не вылезает, у нее однозначно крышу снесло. Так вот, у нашего барыги появилась любовь. Наш пацан, который в его фирме работает, утверждает, что телка и в самом деле отпадная, так что барыга торопится. Пока у него с той девкой ничего не было, но, судя по разговорам, она готова, ждет только, когда этот фраер со своей бабой развяжется.

– Мужики, это не моя тема, – начал было Метелин, но ему не дали договорить.

– Ты про такую фирму «Рашен соул» слышал когда-нибудь?

Алексей кивнул коротко.

– Так вот, – продолжил Бугай, – этот фраер как раз владелец ее и генеральный директор...

– Председатель совета директоров, – поправил Метелин, – зовут его Артем Сергеевич Карандин.

– Ты что, знаешь его? – удивился Сациви.

– С тринадцати лет его знаю. А он меня на год старше.

– Чума! – не поверил Бугаенко. – То есть нам сказали, что ты на этой фирме работал. Мы потому и подкатили к тебе, что слышали, что ты к этой фирме отношение имел, ну и чтобы ты за старое с них получил. А вот такой расклад – это совсем другие карты на руках!

– Не советую туда соваться. Во-первых, это как раз Карандин хорошо нашу зону грел[10 - Греть зону (уголовный жаргон) – передавать в колонию для заключенных сигареты, чай, деньги.], а во-вторых...

Метелин подумал немного, но все же признался:

– Артем оплачивал лечение моей мамы, когда я там с вами на зоне...

Бугаенко и Курицын смотрели в столешницу.

– Вы собирались брать меня на дело, то есть подставить как лоха? – продолжил Алексей. – Меня-то он знает хорошо, а вас если и увидит, то не запомнит. Такими героями вы хотите быть?

– Смерть героев подобна закату солнца, а не смерти лягушки, лопнувшей с натуги, – словно признаваясь в чем-то, тихо произнес Курицын и добавил, как будто оправдывая свои слова: – это тоже Карл Маркс утверждал.

– Задолбал ты со своим Карлом Марксом, – не выдержал Бугаенко, – от него ничего хорошего людям не пришло: одни революции. Разве что «Грабь награбленное!».

– Маркс такого не говорил, – обиделся за кумира Сациви, – он говорил: «Экспроприация экспроприаторов».

– Да какая, на хрен, разница! – не выдержал Бугаенко. – Нам-то что делать? Мы все разработали: как и что... А к лету еще бы подумали, как конкретно его брать, а тут что получается – облом?

– Мужики, – произнес Метелин, – я, пожалуй, пойду. Все выяснили: вы предложили, я отказываюсь и вам не советую, а то на предъяву нарветесь. Кто за вас слово скажет?

– Ну, нет – так нет, – согласился Бугаенко и посмотрел на приятеля.

Посмотрел так, словно проверял реакцию того на такое его решение.

Однако Сациви не кивнул, не помотал головой, не сказал ни слова, а потому Метелин понял, что отказываться от задуманного они не собираются.

Он вышел из пивного зала и ощутил легкий морозец, которого не хватало почти всю зиму. Вошел во двор, остановился, поднял голову, посмотрел на серебрящуюся луну, и на душе стало совсем скверно. Ведь подсевшая на кокс жена фраера Артема Сергеевича Карандина – не кто иная, как Александра Викторовна Чернова, ставшая потом Александрой Викторовной Метелиной, – или просто Саня, его горячо любимая жена.

Глава седьмая

На суде она плакала. Саня не верила в то, что это Алексей убил ее отца, но именно она стала главным свидетелем обвинения. Именно Саня сказала, что ее муж взял пистолет и отправился в кабинет ее отца.

Так оно и было. После того как Виктор Петрович назвал его крысой, Алексей пошел к ней, рассчитывая поговорить, объяснить или уехать с ней домой в новую квартиру, чтобы там уже вдвоем обсудить сложившуюся ситуацию. Тогда он не понимал, в чем его обвиняют... Возможно, тесть говорил об этом с женой или дочерью, но все надо было узнать получше, а потом уже доказывать что-то Виктору Петровичу. Говорить с ним тогда Метелин не предполагал, потому что тесть находился в такой стадии, что не принимал возражений и мог завестись с пол-оборота.

Алексей вошел в комнату, где сидела Саня, они там прожили последнюю неделю в ожидании момента, когда можно будет перебраться в обустроенную новую квартиру... Квартира уже была готова, но они остались здесь. Только для того, чтобы отметить это семейное торжество, а потом отправиться в свое гнездышко, где была огромная спальня. С большой кроватью и гардеробной, о которой мечтала молодая жена.

Он уже подошел к двери, как позвонил тесть. Метелин тогда ответил на звонок и услышал голос Виктора Петровича:

– Верни мой подарок! Верни «беретту» немедленно, крыса!

Он зашел в комнату, выдвинул ящик стола, достал пистолет...

– Ты куда? – удивилась Саня.

– Да твой отец на меня наехал, – объяснил он, проходя мимо, – что на него нашло – непонятно. Бандитское прошлое выиграло.

– Зачем ты так! – возмутилась вслед Метелину жена.

Они находились на втором этаже загородного дома Черновых. Тесть сидел на первом в ожидании гостей и расслаблялся. Теща, скорее всего, наводила марафет в супружеской спальне: она всегда не успевала это сделать к приезду дочери и зятя, и к появлению гостей тоже порой запаздывала. И соответственно, не могла уследить, чтобы муж не наклюкался до начала торжества. Метелин спустился вниз, но в гостиной тестя не было. Алексей положил «беретту» на стол. Потом заглянул в столовую, выглянул в прихожую, вышел на крыльцо и увидел Сеню – водителя-охранника тестя, который садился в «Ренджровер». Алексей подошел к машине и поинтересовался: не видел ли Семен босса. Парень сказал, что только что Виктор Петрович вышел на крыльцо и приказал ему ехать навстречу Смородкиным, у которых постоянно глохнет двигатель и им приходится останавливаться. А поскольку водитель Смородкиных – тупое фуфло, то надо пересадить гостей в «рендж» и доставить сюда...

– Он сам открыл ворота, чтобы выехал «Рендж-ровер»? – спросил на суде адвокат потерпевшей стороны.

– Лично я, – ответил Алексей, не видя в вопросе никакого подвоха.

– То есть вы выпустили внедорожник, за рулем которого был Семен Пашкин?

– Я.

– А кто закрыл ворота?

– Я не закрывал, – признался Метелин, – я просто задвинул их, оставив щель, чтобы Сеня мог снаружи их раздвинуть, когда привезет Смородкиных: электропривод не всегда срабатывал.

– Лично вы кого-нибудь ждали?

– Лично я никого не ждал. Все гости – это друзья тестя и тещи. Я вообще хотел уехать в новую квартиру.

– Почему хотели? Вы поссорились с Виктором Петровичем?

– Не ссорился, но он был в неадеквате. Принял больше, чем...

– Это ложь! – закричала теща. – Витя пил редко! Он был умеренным человеком. А в тот день вообще ни капли. Да и как он мог? И с кем? Сам с собою, что ли?

Она кричала, уверенная в своей правоте, как будто забыв, что за пару недель до события звонила Леше и Саше, умоляя немедленно примчаться, потому что Виктор Петрович, пьяный до безобразия, гоняется за ней по всему дому с ножом, обвиняя в супружеской неверности.

– То есть вы хотите уверить нас в том, – продолжил адвокат потерпевших, – что любой мог войти через ворота на территорию, проникнуть в дом, взять ваш пистолет и убить вашего тестя?

– Я такого не утверждаю. Я тогда только положил пистолет на стол перед тем креслом, где за пять минут до этого сидел Виктор Петрович.

– И где он был найден убитым выстрелом из принадлежащего вам пистолета. У вас было разрешение на хранение и ношение пистолета марки «Беретта М9»?

– Не было. Тесть мне подарил его за две недели до своей гибели – ночью, когда мы с женой приехали в их загородный дом по вызову Инессы Павловны.

– Ложь! – снова закричала теща. – С какой стати мне их вызывать, да еще ночью?!

– Успокойтесь, – сказал судья, – и не надо кричать с места. Вас вызовут. Но для всех остальных поясню, что в деле имеются показания Александры Викторовны Метелиной о том, что за две недели до происшествия она с мужем действительно заезжала в три часа ночи к своим родителям, чтобы навестить их.

– Ха! – крикнула Инесса Павловна. – Кого вы слушаете? У нее памяти совсем нет. Она еще в детстве взяла мое кольцо с брильянтом, чтобы показать его в школе, а потом отнекивалась. А учительница...

– Данный факт к делу не относится, – напомнил судья, – а если вы будете выкрикивать с места, то я оштрафую вас за неуважение суда.

– А если бы у вас мужа убили?

Судья ударил молоточком и произнес:

– Объявляю о своем решении: оштрафовать Чернову Инессу Павловну за неуважение суда на одну тысячу рублей. Так же довожу до сведения всех присутствующих, что у меня нет мужа, а есть жена, так как я сам являюсь человеческим индивидом мужского пола.

Судья посмотрел на обвиняемого и сказал:

– Вы не против того, что показания вашей жены остались в материалах дела? Я спрашиваю потому, что по закону жена не может быть свидетелем против мужа.

– Я не против, потому что Саня знает, что я невиновен...

В этот момент Метелин понял, что судья не просто так обращается к нему: таким образом он дает понять Саше, что у нее есть право не свидетельствовать против близкого человека.

И он кивнул мужчине в мантии, показывая, что все понял. Но, конечно, главное, чтобы это поняла Саня. Если бы не она, все бы рассыпалось, ничего бы не осталось от обвинения. Но потом она во время опроса заявила, что отчетливо с расстояния двух метров видела, как Метелин достал из ящика стола пистолет, сказал ей при этом, что хочет разобраться с ее отцом, после чего вылетел из комнаты пульей. Через пять или десять минут он вернулся уже без оружия и преспокойненько с ней разговаривал, предлагая поскорее уехать. Но потом прибыли Смородкины, которые, войдя в дом, обнаружили труп.

Дав тогда показания, Саня повернулась к мужу и закричала:

– Как я тебя ненавижу! Гореть тебе в аду, убийца!

Она зарыдала, и тут же забилась в истерике Инесса Павловна.

Потом суд установил истинный мотив убийства, потому что проверка финансовых документов фирмы «Рашен соул» показала, что за день до убийства со счета предприятия были переведены сто тысяч евро в чешский «Обербанк АГ», находящийся по адресу: город Прага, улица Павлова, пять.

По этому факту показания давал финансовый директор компании Артем Сергеевич Карандин, который заявил, что полностью уверен в невиновности гражданина Метелина, потому что знает его много лет как исключительно честного и порядочного человека, а что касемо самого перевода средств, то, вероятно, это какой-то технический сбой, потому что со счета фирмы «Рашен соул» однажды туда уже переводилась небольшая сумма в десять тысяч евро, когда карточки обоих супругов Метелиных оказались заблокированы ввиду компьютерной атаки на российские банки, и в тот день не только Метелины, но еще и миллионы других людей не получали доступа к своим счетам в течение суток. Именно тогда находящийся в Праге Алексей Николаевич Метелин вместе с женой обратился в «Обербанк АГ», открыл там счет и попросил сбросить на него какую-нибудь сумму. Что и было проделано лично Карандиным по распоряжению генерального директора Виктора Петровича Чернова.

Заседание длилось долго. Суд перенесли на следующий день. Адвокат Метелина перед тем, как его подзащитного отправили обратно в следственный изолятор, подошел к Леше и постарался его утешить.

– Не все так плохо, – сказал он, – скорее, наоборот – есть оружие убийства, на котором ваши отпечатки пальцев, но зато нет частиц порохового заряда на ваших руках и одежде, хотя вы ее не меняли и руки не мыли. Но если бы они были – эти частицы, то тут хоть неделю с керосином мой, экспертиза все равно докажет. А у вас все чисто. Потом выстрела никто не слышал. Даже вы. Громкая музыка в доме не звучала... Обвинение, конечно, настаивает на том, что вы надели на ствол пистолета штатный глушитель и произвели выстрел. Это полная чушь: во-первых, на предположениях обвинение не строят, только на доказательствах. Во-вторых, штатные глушители для «беретты М9» бывают двух типов, но они не сказали, какой был из них использован. В-третьих, где этот глушитель? Они обыскали весь дом и участок и ничего не нашли. Что же касается ста тысяч, то никто не докажет, что это именно вы сделали перевод. Карандин говорит правильно: технический сбой. Эксперт подтвердил, что при наборе первых цифр счета, память компьютера подсказывает предполагаемый номер счета и банк, в котором он находится. То есть это ошибка, и вина лежит на бухгалтере, которая готовила перевод: просто не перепроверила платежку, прежде чем ее отправить...

Суд перенесли на утро. А на следующий день очень быстро заслушали представителя следственного управления, так же скоренько пролетели прения сторон, предоставили последнее слово обвиняемому. Алексей поднялся и сказал, что не совершал убийства и деньги в Прагу не переводил.

После чего он посмотрел на дверь, надеясь, что войдет Саша, но ее не было.

Но он все равно сказал:

– Клянусь памятью погибшего в Афганистане отца, клянусь здоровьем матери, что я никого не убивал: ни Виктора Петровича, ни кого-либо еще.

Мама весь процесс сидела в зале с распухшим от слез лицом, а услышав приговор суда – двенадцать лет, – потеряла сознание.

Глава восьмая

Утром он приехал в Павловск на такси. Приехал рано, когда Альберт Иванович только поднялся с постели. Тренер помог развесить вещи в шкафу, хотя их было не так много. А потом они вместе отправились на пробежку с Шепелевым, спарринг-партнером претендента Ивановым и массажистом Кириллом. Темп был весьма невысоким, но не потому, что не успел бы за всеми старенький тренер, а для того только, чтобы Юрий смог размять плечевой пояс, поработать руками, нанося удары по воздуху. Алексей бежал последним в цепочке, повторял все движения претендента на чемпионский пояс, но лишь для того, чтобы запомнить манеру его ударов, понять, где он вкладывается, а где лишь имитирует акцентированный удар: ошибок и недоработок у Шепелева было предостаточно, хотя, скорее всего, он считал утреннюю пробежку всего лишь разминкой, а не серьезной работой.

Потом Метелину надоело бежать ленивой трусцой вместе со всеми, он выскочил вперед и ускорился. Мимо проносились елки, сосны, дубы и клены: старый парк походил на лес, который не захотел впадать в зимнюю спячку, а притворялся дремлющим, прикрываясь теплым февралем.

Зима в этом году выдалась подлой, как сказали бы сельские жители, сажающие поздней осенью озимые культуры: снега почти не было – единственное, что спасало посадки, это отсутствие морозов. Протопанная дорожка вывела Метелина на край поля, покрытого бурой травкой, сквозь которую пробивались зеленые ростки. Над полем носились и непрерывно стрекотали сороки, но не от радости своего птичьего бытия, а по привычке и лениво. По бурой травке поля спешил к своей норе заяц-беляк.

Вскоре Алексея догнал массажист Кирилл. Он бежал легко, как бегают обычно бегуны-стайеры, дыша ровно и легко.

Догнал и спросил:

– Нравится здесь?

– Не то слово.

– Мы тут к тебе все уже приглядываемся. Сначала не понимали, почему Альберт Иванович так этого парня обхаживает, а теперь поняли, что ты ему близкий человек.

– В каком смысле? – растерялся Метелин.

– В смысле – единственно близкий. У Гусева в прошлом году жена умерла. Он черный весь ходил от горя: у него же ни детей, ни друзей близких. Лучшим и единственным другом для него была жена, а теперь ее не стало. Только не говори с ним о ней, он сразу плакать начнет. Я потому и догнал тебя, чтобы предупредить.

– Быстро бегаешь, – сказал Алексей.

– Так я легкой атлетикой занимался, – ответил парень, – не бегом, правда, а прыжками в длину. Как-то подвернул ногу во время приземления, долго восстанавливался, но результаты стали не те: за восемь метров едва улетаю, но теперь это уже не результат.

– А как здесь оказался?

– Вика пригласила, – ответил Кирилл, – мы же с ней на одном курсе учились. За ней все бегали, и не только бегуны. Но она совсем уж недоступная, а может, с запросами... Потом она замуж сходилась за какого-то с наворотами, но сейчас вроде как одна. Тебе она понравилась?

– Я не привык облизываться на то, что не мое, – ответил Метелин.

Они прибежали первыми, но не стали дожидаться остальных.

За завтраком Гусев поинтересовался весом своего бывшего ученика и, когда услышал ответ, удивился:

– Девяносто два? Для супертяжа маловато, но если полтора скинешь, то ты это... хевивайт[11 - Тяжелый вес (весовая категория в боксе)]. Если тебе там поработать?

– Да мне все равно, в каком весе выступать. Просто девяносто удержать тяжело будет, а сгонять постоянно – это потеря энергии. Могу прибавить еще пару кило, но больше нет смысла. Двигаться буду хуже, а ноги в боксе сами знаете – первое дело.

– Это так, – согласился Гусев, – без правильной работы ног сильного удара не будет: это мы с тобой правильно все понимаем, а вот Гарри требует от Юрки нарастить массу, чтобы удар сильнее стал. А в боксе важна не столько сила, сколько скорость удара, главное, чтобы соперник не ожидал его. Шепелев – хороший боксер: у него крепкий подбородок, короткая шея, он – смелый... Но ты же понимаешь... Против Оласьело ни у кого шансов нет.

– У любого боксера шансы есть всегда, – возразил Алексей. – Вы это знаете не хуже меня. Но у Шепелева, как мне кажется, цель не стать чемпионом, а просто участвовать в этом бою, заработать десяток-другой миллионов баксов и уйти.

– Заработать все хотят, – согласился тренер, – потому-то американцы и согласились на бой в Москве – у нас налоги меньше. А для Оласьело, как они считают, все равно, где биться: в Нью-Йорке, в Атлантик-Сити, в Москве или на Марсе.

Он помолчал, а потом, как будто только сейчас, вспомнил:

– Сегодня к вечерку Сережка Ерохин подъедет. Хочет посмотреть, как у нас тут все проходит. Я ему сказал, что ты здесь...

– Зря, – покачал головой Алексей, – не надо было ему говорить. Я же для него кумиром был, он за счастье считал мне руки бинтовать перед боем.

– Ну позвал и позвал, – обиделся Альберт Иванович, – что теперь говорить...

Вечером Метелин намыл туалеты, вышел в зал и увидел своего тренера разговаривающим с мужчиной в дорогом костюме. Он не сразу узнал в нем того пацана, который смотрел на него когда-то восторженными глазами. Не хотел подходить, но Гусев махнул рукой, подзывая. И крикнул:

– Леша!

Пришлось подходить.

– Представлять вас друг другу не надо, – сказал Альберт Иванович, – вы два моих любимых ученика, от которых я ждал больших побед, но, как все сложилось,

сами знаете... Не буду мешать вам...

И он ушел. Все выглядело так, словно тренер специально пригласил сюда банкира для какого-то разговора.

Ерохин протянул руку и сказал:

– Привет.

Алексей пожал его руку, но промолчал.

– Как ты тут? – поинтересовался Сергей.

Метелин пожал плечами, словно не понял вопроса, и ответил:

– Все нравится.

– Уборщиком? – не поверил Ерохин. – Если вдруг надоест горшки мыть, обращайся: найду для тебя приличную должность с хорошей зарплатой. Ты же для меня как брат старший, которого у меня никогда не было. Мы хоть и почти не разговаривали, но я на все твои бои приходил, болел, переживал, завидовал тому, что ты умеешь. Я знал, что никогда не буду таким классным боксером, но стремился, работал на износ, чтобы быть похожим. И потом...

– Хватит, – оборвал его Алексей, – все уже в прошлом.

Ерохин кивнул и напомнил:

– Альберт Иванович сказал, что ты лицензию получил. Для чего тогда?

– Чтобы на спарринг с Шепелевым пустили.

– А ты готов?

– Посмотрим.

– Если начнешь выступать, то тебе нужен будет спонсор. Сам понимаешь: форма, массажист, врач, проживание, питание – это деньги не такие уж большие, но у тебя их, насколько мне известно, вообще нет. Мой банк готов взять расходы на себя... Пока тебя здесь содержат, а потом куда? Какой клуб или какая промоутерская компания возьмет сорокалетнего?

– Мне тридцать семь.

– И тем не менее.

– Я придумаю что-нибудь, – произнес Алексей, впрочем, не очень уверенно.

– Думай, конечно, – согласился Ерохин, – но я предложил тебе вариант. Кстати, у нас в банке залоговая машина есть. Клиент взял кредит маленький под залог автомобиля «Рено-латитюд». Машина старая: ей десять лет, но состояние прекрасное. Забирай ее!

– Мне не рассчитаться.

– Так забирай!

– Так я не умею брать: все должно быть честно заработано: деньги, машина, слава, любовь...

И вдруг Алексей понял, что это шанс.

– Сережа, правда, что ты в полиции работал?

– Убийный возглавлял в отделе полиции, пока не погнали.

– Тогда не надо мне никакой тачки! Мне твоя помощь нужна. Если ты сможешь, то буду век благодарен.

– Все, что смогу.

– Ну тогда слушай. Ты ведь в курсе, что я двенадцать лет отсидел по сто пятой. Сидел за убийство, которого не совершал. Сейчас просто хочу узнать, почему меня упаковали без доказательств.

– Какие были улики?

– Показания жены, которая сказала на суде, что видела, как я взял пистолет и пошел убивать ее отца, и сто тысяч евро, которые упали на мой счет за границей.

– Других свидетелей, кроме жены, не было?

Метелин покачал головой.

– Я смогу с ней поговорить? – спросил Сергей.

Алексей снова покачал головой.

– Вряд ли. По слухам, она подсела на наркоту и не вылезает из клиник. Даже если она что-то расскажет, то показания ее в расчет приниматься не будут.

Теперь уже Ерохин кивнул. Потом он достал из кармана небольшой блокнот и ручку. Попросил Метелина написать номер дела и в каком отделе его вели, а также фамилию следователя.

Оставшись один, Алексей поработал у мешка: лупил его долго и нещадно, как будто хотел выбросить из себя всю накопившуюся за долгие тюремные годы ярость. Бил долго – до пота, до изнеможения. Потом опустился на гимнастическую скамейку и, как только восстановилось дыхание, начал качать пресс.

Глава девятая

Кубинец не отказался стать спарринг-партнером, но запросил за свою работу такие деньги, какие генеральный спонсор платить отказался. Гарри Хук был очень опечален и сказал, что тот парень с Кубы – единственный оптимальный вариант. Он похож на Оласьело фигурой, длиной рук и манерой ведения боя, потому что намеренно копирует его стиль, да и первый тренер у них был один и тот же. Теперь надо было искать другого боксера, но Гарри наотрез отказывался приводить в команду русского, считая, что в России среди тех, кто готов был бы участвовать, высококлассных соперников для Шепелева нет. А если и есть, то они все на контрактах. Нынешним спарринг-партнером, Ивановым, американец тоже не был доволен, считая, что тот в открытый бокс не идет, пытается только защищаться. А ведь нынешний чемпион мира, с которым через полгода предстоит драться Шепелеву, работает как раз в другой манере – в остро атакующей.

Метелин стоял у ринга и наблюдал, как претендент лупит по защите Иванова, а тот только подставляет локти и отклоняется назад, чтобы уйти в сторону. Шепелев бил прямыми, наиболее сильными в его арсенале ударами и лишь изредка сближался, чтобы нанести боковой.

– Юра, – кричал Альберт Иванович, – что ты творишь? Ты на удобной позиции для Оласьело. Тебе надо рвать дистанцию, сближаться с одновременным ударом по корпусу. Даже если не пробьешь, то висни на нем. Утомляй своим весом, чтобы он тебя носил, как баба беременная живот таскает...

Но претендент на звание, вероятно, не слышал, продолжая делать то, что привык.

Даже Гарри Хук не выдержал и крикнул:

– Стоп!

Он вылез на ринг, что-то объяснял, Шепелев кивал, соглашаясь, а старый американский тренер начал демонстрировать. Стал качать корпусом, потом с шагом вперед выбросил левый свинг[12 - Свинг – длинный боковой удар.] и на следующем сближении – апперкот правой.

– О'кей, – согласился Шепелев, тяжело дыша.

Гарри посмотрел на него и развел руки в стороны.

– Тайм-аут.

Претендент подошел к канатам и посмотрел на Гусева:

– Что я не так делаю?

– Все, – ответил Альберт Иванович, – ты полагаешься на свою силу, которую теряешь с каждым ударом. Уж если ты lupишь, то надо делать это расчетливо. Со стороны может показаться, что у тебя преимущество, но судьи в углах считают только попадания, а не твою активность. Прыгать перед Оласьело тебе не придется: он достанет тебя легко – у него размах рук больше двух метров.

– Два метра и пять сантиметров, – напомнил Шепелев, – я это хорошо помню.

– Ну да, – согласился Гусев, – а потому кружи его, заходи за его сильную руку и свингуй. Гарри все правильно говорит. Длинный боковой слева, а потом правой в корпус или в подбородок, если получится, а потом висни на нем...

Тренер зачем-то посмотрел на Алексея, словно все сказанное предназначалось и для него.

– Не обязательно бить левой в голову, – включился Метелин, – достаточно пару-тройку боковых ударов в плечо, чтобы пробить мышцу. У длинноруких это слабое место.

Претендент уставился на него, а потом обернулся к Гусеву.

– Это кто? – спросил он. – Это уборщик? Что он вообще делает у ринга?

Потом он снова обернулся к Алексею:

– Иди подметай! А если делать нечего, то форму мне постирай.

– Зачем ты так, Юра? – попытался остановить его Гусев.

Но тот не смог остановиться и пошел в центр ринга:

– Всякое чмо меня учить вздумало.

– Да пусть он покажет, – улыбнулся его спарринг-партнер Иванов, – пусть зайдет сюда и на мне покажет, чему он может научить? Или слабо тебе, уборщик?

Метелин посмотрел на своего тренера.

– И что делать?

– Иди! Назвался груздем, полезай, как говорится, в коробочку.

Он сам подал висящие в углу ринга запасные перчатки, дождался, когда его ученик снимет майку, после чего помог Алексею перчатки надеть.

– Осторожнее, – напомнил Гусев, – ты без бинтов.

– Я сильно бить не буду.

– Капа нужна?

– Обойдусь, – ответил Метелин.

Гарри Хук, не понимая, что происходит, наблюдал за ними внимательно. Иванов, расхаживая по рингу в ожидании соперника, хлопал перчатками по бедрам, вызывая в себе боевой дух, собираясь, видимо, проучить наглеца раз и навсегда.

Метелин забрался на ринг, посмотрел на Гарри Хука и обратился к нему:

– How should I work?[13 - Как надо работать? (англ.)]

– As hard as you can[14 - Как умеешь жестко (англ.)], – ответил тот и прищурился, разглядывая тело Алексея.

– Ну тады вери вел, – произнес Алексей и похлопал себя перчатками по щекам.

Он ждал, надеялся, мечтал об этом. Сейчас он будет делать то, что умеет и любит. То, ради чего он живет и дышит.

– Соперники, разошлись по углам! – приказал Альберт Иванович, забираясь на ринг.

Он встал в центре и подозвал обоих соперников.

– Ребята, это не драка, – напомнил он, – не выяснение каких-то отношений. Без грязи, прошу вас, и слушайте мои команды. Если я скажу...

– Да ладно, – перебил его веселящийся Иванов, – не буду его убивать.

– У тебя, Костик, это в любом случае не получится, – сказал ему Гусев. – Сам-то поберегись.

– Ты просил показать то, что я советовал Юрке, вот я и покажу, – напомнил сопернику Метелин. – Так что ничего личного.

Боксеры разошлись, и после того, как Альберт Иванович дал команду «Бокс», начали сходитьсь. Подойдя на нужную дистанцию, Иванов выбросил один за другим два джеба, но не достал. Потом он сделал шаг вперед, хотел ударить правой, но соперник был уже далеко. Костя начал сближаться, но с каждым его шагом вперед Метелин отходил в сторону.

– Правый локоть к туловищу не прижимай, – посоветовал он Иванову.

– Да пошел ты!

Иванов еще раз попробовал достать левым джебом, но Алексей на подскоке нанес хук в правое плечо и тут же повторил еще сильнее. Правая рука соперника повисла. Метелин показал немногочисленным зрителям, что сейчас ударит боковым в незащищенную голову, но делать этого не стал. Отправился в свой угол, снимая на ходу перчатки.

Иванов, держа пробитую руку, присел на корточки, а потом, застонав от боли, повалился на бок. В зале стояла тишина. В этой тишине прозвучал крик мистера Хука:

– What was that? Someone explain to me? This is the first time I've seen a knockout through the hand[15 - Что это было? Кто мне объяснит? Я впервые вижу нокаут ударом в руку (англ.)].

Неожиданно для всех к рингу подбежала Виктория, которую никто не звал, но, видимо, она стояла у двери и наблюдала за поединком. Врачиха забралась на ринг, подошла к лежащему Иванову. Присела рядом, потрогала его руку, хотела поднять ее, но Костя вскрикнул от боли.

– Господа, – громко произнесла Вика, – похоже, что мы потеряли боксера для спарринг-поединков. У парня порвана двуглавая мышца плеча. Проше говоря, бицепс.

– Как это возможно? – не поверил Шепелев.

– Ты сам видел, – ответила врач.

Она поднялась и гневно посмотрела на Метелина.

– Как вам не стыдно! Бить тех, кто слабее! Вы же не убийца!

Она подошла к американскому тренеру и стала что-то тихо объяснять ему. Гарри Хук слушал внимательно, кивая головой и посматривая на Метелина.

Потом Вика слезла с помоста и пошла вдоль канатов. Проходя мимо Гусева, она остановилась, но лишь затем, чтобы устроить Альберту Ивановичу короткий разнос:

– И вы тоже хороши! Зачем допустили этот бой?

– Леша просто показать хотел, как надо работать!

Но девушка уже не слышала его, неслась за своей медицинской сумкой.

Мистер Хук подошел к Гусеву и произнес негромко:

– Come on! We need to talk[16 - Пойдем! Надо поговорить (англ.)].

Они вышли. Иванов продолжал сидеть на синем настиле ринга. Алексей подошел к нему и наклонился.

– Прости, брат. Я не думал, что так получится. Просто хотел, чтобы...

– Отвали, а! – попросил Константин. – Из-за тебя, гада, я такую работу потерял.

Вернулась Виктория, и Метелин поспешил удалиться.

Он стоял в коридоре, ждал тренера. Из зала вышла Виктория, она решила пройти мимо молча, словно не замечая его, но потом остановилась.

– Зачем вы это сделали? Таким образом решили напомнить о себе? Это вообще-то подло.

– На ринге у всех равные условия, – напомнил Метелин.

– С Родригесом у вас тоже были равные условия? А я была с папой на том бою. Мы так болели за вас! Папа вообще переживал очень сильно, не понимал, зачем вы так рано в профи пошли. Он считал, что надо было сперва золото Олимпиады брать, а потом уходить. Тогда и отношение было бы другое. Другая сетка была бы. Вас бы подводили к титульным боям...

– У меня вывих руки был, – попытался оправдаться Алексей.

– Да я знаю, – сказала врач. – Метлицкий просто сам ставки делал на тотализаторе. Против вас – своего боксера – тоже поставил, зная, что вы проиграете.

– Я мог бы...

– Не могли, а потому все лицо у вас было разбито. Родригес ведь не мальчик: он в том году был десятым в рейтинге. Но то, что вы сделали сегодня, – ни в какие ворота! Как человек вы для меня умерли сегодня!

Она мотнула головой, доказывая свою решимость, и умчалась. Вскоре из кабинета менеджера вышли мистер Хук и Гусев. Они о чем-то тихо переговаривались. Потом Гарри похлопал Альберта Ивановича по спине и поспешил обратно в кабинет менеджера. Гусев подошел и вздохнул:

– Все, теперь ты не уборщик. Уволили тебя.

– Ну ладно, – кивнул Метелин, – бывали огорчения и похуже.

– Теперь ты – спарринг-партнер для Юрки. Поздравляю.

– Спасибо.

– Не меня благодари, а Вику. Оказывается, она наплела Гарри, что ты был лучшим боксером страны, но тебя отправили в молотилку для зарабатывания денег одному нехорошему человеку. Но она могла бы и не говорить ему ничего: Хук и сам все видел. Зарплату тебе положили три тысячи долларов в месяц. Спонсор согласился.

– Отлично, – кивнул Метелин.

– И, кроме того, я сообщил всем, что у тебя есть лицензия, и просил, чтобы тебя выставляли на официальные бои...

– Я готов. А когда можно провести ближайший выставочный бой?

– В том-то и проблема, что в другие города мы тебя отпускать не будем. Если только у нас в Питере. Будем приходить болеть за тебя всем коллективом... Но ближайший вечер бокса пройдет уже через неделю: только там можно найти приличного для тебя соперника – не ломать же таких, как Костик. Неделя – очень мало.

– Я привык драться каждую субботу. А так я готов.

– Там все пары уже распределены. Но как раз в супертяжелом можно сделать замену. От нас готовился Денис Марков, но у него была какая-то желудочная инфекция... А приедет к нам англичанин. То есть ирландец Бакли. Про него ничего не знаю, разве что он с пивным животом. Восемнадцать проведенных боев, и семь из них он проиграл. То есть никакой вроде, хотя и на двадцатом месте в рейтинге. Но тебе ведь надо с кого-то начинать. Бои его можно посмотреть в интернете. А тебя всерьез рассматривать никто не будет: у тебя в послужном списке шесть боев и три поражения.

– Ну все, – кивнул Метелин, – пойду работать.

– Не все, – остановил его Альберт Иванович, – тебе от Сережки Ерохина с утра тачку подогнали. Со страховкой на твое имя... Ты уж прости, но он вчера вечером позвонил, и я ему данные твоего паспорта продиктовал. А сегодня он просил, чтобы я сказал тебе еще, что твоими делами он уже начал заниматься. Что, кстати, у вас за совместные дела?

– Финансовые, – соврал Алексей.

Глава десятая

Каждый день с утра до вечера Алексей проводил в зале. Теперь уже мистер Хук просил его не работать в полную силу, просто двигаться побольше. Когда Метелин стал копировать манеру ведения боя Оласьело, американец понял это сразу и вскинул над головой обе руки с выставленными большими пальцами. Шепелев в полной мере хватал шлепки в голову и злился, потому что не успевал уворачиваться. Но Метелин не бил сильно. И часто предупреждал заранее: «Левой в лоб, снова левой в лоб... правой в челюсть... левой в печень...»

Наконец претендент стал работать корпусом и уходить головой под удар или уклоняться в сторону... Но сам он бил сильно и пару раз поймал Алексея на расслабленности. И оба раза пробил левым крюком – ударом, которого от него не ожидали даже тренеры. В обоих случаях Метелин едва устоял на ногах. Зато Гарри Хук аплодировал.

А вот Альберт Иванович недоумевал. Он сказал после тренировки:

– Как ты мог так подставиться? Тем более это самый любимый удар того ирландца Бакли: перед боковым он опускает немного правую руку, а потом уходит наклоном влево, чтобы с ударом вывернуть локоть кверху, увеличивая мощь. Мы же с тобой просматривали его бои, ты должен знать. А что касается нашего Юры, то он за эту неделю заметно прибавил. Он доволен, и я, и Гарри, и спонсоры... Кстати, на твой бой мы пойдем с мистером Хуком вместе. Массажист с нами, естественно. Вдруг бой продлится все шесть раундов: он не даст твоим мышцам закислиться.

Неделя шла, ничего не менялось. Виктория по-прежнему не замечала Алексея. То есть замечала, даже кивала головой вместо приветствия, но молчала.

В пятницу, накануне боя, позвонил Ерохин и сказал, что будет в зале Ледового дворца, где пройдет Вечер бокса.

– А что касается твоей просьбы, то работа продвигается. Не буду говорить о подробностях, но меня, как бывшего опера, некоторые факты заинтересовали. Похоже, кому-то очень не терпелось заявить о раскрытии преступления, тем более жена показала на тебя...

За день до боя было контрольное взвешивание. Эган Бакли оказался действительно полным человеком: весил он сто пять килограммов, а ростом был на семь сантиметров ниже Алексея. К тому же уступал ему значительно в длине рук. На Метелина он смотрел свысока, несмотря на разницу в росте не в свою пользу, и усмехался. А еще он был рыжим.

После контрольного взвешивания Алексей вышел в зал и удивился его размерам. В колонии в зал набивались не более двухсот человек, потому что больше не вместились бы. И там всегда было очень душно. А здесь было прохладно и просторно. Метелин готовился к следующему дню, не ожидая от соперника чего-то сверхъестественного.

Возвращаясь в Павловск, он завернул к своему дому, где ему и делать было нечего. В последний момент передумал заходить в квартиру матери, а позвонил в дверь к соседям. Они впустили его к себе и напомнили, что в воскресенье будет День защитника Отечества, а потому пригласили его в гости. И он

пообещал приехать.

Следующий день тянулся очень долго: пробежка, тренировка, обед... отдых, тренировка без нагрузок и без спарринга... Уехали еще до ужина. А потом маялись долго в ожидании боя. Когда позвали на ринг, Алексей подумал, что ослышался, а потом поспешил, побежал даже, словно боялся, что поединок могут начать без него.

Сначала представили гостя. А потом Метелина, сказав, что он провел на профессиональном ринге шесть боев, в которых одержал три досрочные победы. Кто-то пытался зааплодировать. А кто-то начал свистеть.

Бой закончился быстро, даже очень. Ирландец сразу пошел вперед, слегка опустил правую руку, собираясь делать уклон влево, и тогда Алексей ударил передней рукой в открытый подбородок. Бакли дернулся, а потом рухнул на настил лицом вниз, не подставив руки, чтобы смягчить падение. Рефери не стал даже открывать счет. Нокаут очевидный и глубокий. Бой продлился всего пять секунд.

Даже Гарри Хук не поверил.

– How could he miss such a jab?[17 - Как он мог пропустить такой удар? (англ.)] – удивился он.

– Действительно, коровье стадо! – попытался подытожить Кирилл.

– Нельзя так! – возмутился Гусев. – Любого соперника надо уважать.

– Так «бакли» в переводе с ирландского обозначает «коровье стадо», – объяснил массажист.

А Метелин был спокоен. Он не был удовлетворен победой, потому что боя как такового и не произошло. А то, что в зале свистят, аплодируют и топают ногами, то это их зрительское дело. Рефери поднял его руку, Альберт Иванович обнял, а Гарри Хук похлопал по плечу. Потом, уже в подтрибунном помещении, Кирилл сказал, что хотел бы и он так легко зарабатывать по десять тысяч баксов за пять секунд.

– А ты тренируйся каждый день двадцать лет подряд, – посоветовал Гусев, – может, получится когда-нибудь.

– Какие десять тысяч? – не понял Метелин.

– Твои призовые за победу, – объяснил массажист и удивился, – а ты что, не знал разве?

Альберту Ивановичу позвонил менеджер и сообщил, что с ним только что связывался представитель Федерации бокса и сказал, что Метелина готовы видеть на ринге почаще... Менеджер поэтому лично хочет спросить у Леши, когда бы он хотел провести следующий бой.

Альберт Иванович задал этот вопрос своему ученику, и Метелин ответил:

– Завтра или в любой день на следующей неделе.

Представитель федерации, очевидно, посчитал этот ответ шуткой. А потом менеджер перезвонил снова. И получил тот же ответ.

Алексей переоделся, в раздевалку пришел Ерохин и предложил доставить Метелина и Альберта Ивановича на базу. Гусев тут же как-то очень поспешно отказался, сказав, что вернется вместе со всеми остальными.

– Тогда мы вдвоем, – не стал настаивать Сергей и посмотрел на Алексея со значением, как будто намекая, что им есть о чем поговорить.

Ерохин вел машину сам. Алексей сидел рядом на пассажирском сиденье. Сергей начал говорить о боксе, о прошедшем бое, восхитился тем, как быстро Метелин уложил ирландца, сказал, что Леше надо почаще участвовать в боях, а для этого придется найти второго спарринг-партнера.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

105 ст. УК РФ – убийство, умышленное причинение смерти другому человеку.

2

Сявка (уголовный жаргон) – мелкий жулик.

3

Ст. 162 УК РФ – разбой.

4

Барин (уголовный жаргон) – начальник колонии, пользующийся уважением осужденных.

5

УДО – условно-досрочное освобождение.

6

Активист (уголовный жаргон) – осужденный, сотрудничающий с администрацией колонии.

7

Флойд Мейвезер – американский боксер, неоднократный чемпион мира среди профессионалов.

8

Екатерина Островская «Полоса черная, полоса белая».

9

КМС – кандидат в мастера спорта.

10

Греть зону (уголовный жаргон) – передавать в колонию для заключенных сигареты, чай, деньги.

11

Тяжелый вес (весовая категория в боксе).

12

Свинг – длинный боковой удар.

13

Как надо работать? (англ.)

14

Как умеешь жестко (англ.).

15

Что это было? Кто мне объяснит? Я впервые вижу нокаут ударом в руку (англ.).

16

Пойдем! Надо поговорить (англ.).

Как он мог пропустить такой удар? (англ.)

Купить: <https://tellnovel.com/ekaterina-ostrovskaya/pereday-privet-nebesam>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)